

Константин Леонтьев

Ночь на пчельнике

Константин Николаевич Леонтьев

Ночь на пчельнике

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2471845*

Аннотация

«...– А вот как я-те раскошелить начну! – крикнул наймист и с яростью ударил говорившего крепким кулаком в лицо.

Здоровьяк пошатнулся.

– Вот, на тебе! – сказал он другому и наотмашь угостил его в грудь.

Тот грянулся оземь со стоном. Казалось, победа была на стороне моего героя; но тот, который до сих пор не принимал участия в бое, вдруг схватил его сзади под силки. Началась страшная борьба. Лежавший вскочил и с злобой кинулся ему на грудь.

Наймист не уступал: жаль было отдать деньги. Шляпа с него свалилась, русые кудри были растрепаны; по лицу, бледному от усилий, катился пот; красная рубашка, которую он надел для Параша, висела клочьями на белой и крутой груди...»

Константин Леонтьев

Ночь на пчельнике

Очерк

Какой отрадой дышит маленький пчельник среди летнего зноя! Кажется, не простой мужик с бородой избрал это место среди липовой рощи для своих пчел, но какой-нибудь убежденный годами мудрец или добрый колдун обитал тут давным-давно и оставил тот уголок в память людям о временах, когда жили на земле мудрецы и волшебники!

Сочные липы очертили почти ровный круг около полянки мшистыми стволами; ветер сносит на нее с их вершин медовой аромат в жаркое время их цвета; возле самой избушки, кой-где подмазанной глиною, прижался к плетню шиповник и пахнет оттуда цветами так счастливо... (в менее диком месте его б и не заметил никто!)

А самые ульи – утеха доброго Пахома, для которых созданы тут и липы, и хижина, и шиповник, пестрят площадку, поросшую жирной травой... Эту траву не хотел потерять Пахом и сказал своей дочери, Параше:

– Ну, ты, девонька, смотри! мы с тобой завтра чем свет поедем косить на пчельник. Ведь четыре версты! Я покошу, покошу, а ты граблей-то и поскребешь... Вон дело-то и пойдет ладно... Во как!

Сказав это, отец зашумел полушубком, повернулся к стене и заснул.

Параша проснулась рано. Отец уж пошел запрягать.

– Захвати кваску кувшинчик: ведь измаемся! – закричал он ей со двора.

Параша стала наливать квас.

– Вот постой, – сказала мать, – дай-ка я тряпочкой позаткну... Вот так! Хлеба возьми... огурчиков... не то постой, я те сама схожу нарву...

А Параше жутко было ехать на пчельник!

Дня два тому назад была в селе Кутаеве ярмарка, в день Казанской Божией Матери, как и всегда.

Много нашло народа со всех сторон: из Молчановки, из Печор, из Больших Вершин...

Когда отошла обедня, все вышли из церкви. Погода, сначала пасмурная, поразгулялась, а за ней и народ: кто на траву у паперти разлегся, краснеясь на солнце рубашкой; кто знай себе только сновал по самой ярмарке, где продавались смородина, пряники и орехи. Там продавец таких товаров, какими торгуют лукошники, устроил свою лавку под барским анбаром в тени, и толпа вымытых на этот раз детей теснится перед его тесемками и кушаками.

Простоволосая мордовка в ярко-ранжемом кафтане выставляет напоказ всем русским парням бесчисленные и хитро-заплетенные косички своего затылка, и парни не минуют стукнуть ее с любезностью кулаком, развалисто проходя ми-

мо.

Между группами носится какой-то слуга, в белой жакетке, с лицом, похожим на портрет известного баснописца Лафонтена.

Пестрота, визг гоняющихся друг за другом детей, спор на телегах, обращенных в лавки, ржание лошадей, привязанных сзади телег, и мало ли что еще – Боже, как весело!..

Как не веселиться на таком торжестве мужику, целый год склоненному над работой?

Параша веселилась больше всех. Недаром же она надела толковые синеватые рукава, новый сарафан и повязала на голову алый, только в одном месте полинявший матерчатый платок, который еще четыре года тому назад подарил ей старый барин за ее детскую миловидность, когда встретил ее за садом стерегущую уток.

Да если б даже этот полинялый кончик не был спрятан ею со тщанием, если б вместо толковых рукавов у нее были за-трапезные, все бы она была лучше всех на многолюдной ярмарке. Недаром же многие из деревенских молодцов потряхивались около нее молча или разговаривали с нею без всякой видимой нужды.

Когда она вместе с подругами подошла к тому месту, где так скромно плясал белобрысый мордвин в темной ситцевой рубашке, то плясун никак не мог не подлететь всякий раз в ее сторону и непременно топотал лаптями без всякого шума у ее ног, как бы признавая ее царицей ярмарки, и, с досто-

инством взглянув на нее, продолжал печально тарантить по земле, под свирель Покровского пастуха.

Сам Лафонтен-знаток совсем измарал себе панталоны, не уставая летать по грязи мимо колодезя, к которому она удалилась.

Оно и стоило измарать; особенно глаза ее были хороши: черные, большие, подернутые много обещающей влагой. И напрасно винить крестьян в совершенном отсутствии вкуса относительно женской красоты.

Очень многие женатые люди, минуя ее белизну и румянец, столь ценимые в быту, где здоровье и крепость первое условие всего, говорили ей, кто с добродушием, кто с некоторой злобой:

– Э! эх, глазок! давно бы замуж пора.

– Ишь ты, – возражала Параша; – я еще во младых летах. Некуды спешить-то!

С такой-то красотой, возвышенной в этот день алым платком, стояла она около колодезя в длинной тени, которую бросала на лужайку церковь.

Кругом на землю полегли и посели другие девки, забавляясь орехами и ягодами.

У самого колодезя беспрестанно толпился народ – кто для того, чтобы утолить жажду, кто для того, чтоб толпиться там, где толпятся другие.

Скоро и Параше захотелось пить. Она взяла ковшик и зачерпнула из бадьи.

– Дай-ка и мне напиться, красная девушка, алый платочек! – раздалось вдруг над головой ее.

Она обернулась и протянула ковшик.

За нею стоял высокий белокурый парень в зеленоватой нанковой поддевке и красной рубашке.

Он снял шляпу, расправил кудри и, должно быть, нечаянно положив руку ей на плечо, стал с жадностью пить из ковша.

Потом сказал, взглянув на нее ласковым взглядом:

– Ну, вот спасибо, – так спасибо! На душе отлегло! И отошел прочь.

– Откелева этот малой-то? – спросила стоявшая около Параша баба с свежим еще, но несколько мрачным лицом.

– Наймист¹ из Больших Вершин, – сказал кто-то из лежавших на земле. – Он вот у Федосея у мордвина внаем идет, в некруты...

– Это у Федосея-та! Много, чай, денег взял?

– А то нет?! Федосей уж второго нанимает... Вот в тот набор за Леску за своего из городу нанял во какого гожего мужика!

– Мужика-а? – грустно спросила старуха, подошедшая в эту минуту и пригорюнившаяся у колодезя.

– Мужика, мужика-а? – сердито передразнил ее говорив-

---

¹ Так называются в Нижегородской губернии молодые люди, которые нанимаются за других в рекруты. Они берут у богатых крестьян более или менее хорошие деньги и часто прогуливают их до вступления на службу. Это то, что у нас, в Калуге, называется сольный *охотник*, или просто охотник.

ший парень. – Это так к слову сказалось!.. А он, то есть, наймист-та, из мещан был, да гульлив больно, израсходовался! Вот этот, должно, тоже... Того, сказывали, на Кавказе убили.

– Убили-и! Ах ты батюшки-Господи! – прошептала старуха еще грустнее.

– Известное дело, убили! – продолжал лежавший. – Зато как гулял-то! Рубахи какие были... Ситец все французский... В Печоры пришел на ярмарку, начал в деньги играть с мужиками, проиграл три рубля да как закричит вдруг: «Что, говорит, тут в деньги играть! Давайте нам браги да вина... всех угощу! залью, кричит, всех!..» Мужики, известно, рады! Ей-Богу! не знал, просто пес его знает, куда и деньги-то сунуть. Пряников, стручков покупал, малым робяткам бросал! А уж как напился – и пошел плакать... «Прощайте, добрые вы люди, я уж топеря на войну на лютую пойду... там и голову свою сложу!» Ей-Богу!

– Ништо, ништо! – твердила, качая головой, старуха.

Параша слышала только начало этого разговора; узнала, кто был этот красивый русский молодчик. Она давно сидела на паперти с молодой, но мрачной бабой, которая была солдатка и вела подчас довольно веселую жизнь, так что мать Параше не раз, при случае, укоряла ее за дружбу с Ульяной, хотя Ульяна была им близкая родственница.

Немного погодя наймист очутился около паперти.

– Вы откудава? – спросил он у мрачной родственницы, опускаясь на землю.

– Мы-то?

– Известно вы! а то кто ж? Эка!..

– А из Печорок. Вон церковь-то у лесочка видна...

– Вот как! Это выходит нам, то есть, по дороге идти. Эта девка тебе сестра или сродственница какая?

Параша отвернулась.

– Вишь, я за ее за дядей замужем была...

– Что ж, овдовела, видно?

– Не-ет... Он в полку!

– Во как! То-то ты, небойсь, гуляешь?

Ульяна ударила его кулаком в плечо.

– Ульяна, а Ульяна! – сказала вдруг Параша, – пойдем к тетушке Дарье Ивановне...

И с этими словами встала. Ульяна поднялась за нею, но едва подошли они к телеге, на которой Дарья Ивановна торговала пряниками, наймист оказался снова около них.

– Ты что ж опять подошел? – шопотом спросила у него Ульяна. – Ведь, ей-Богу, не гоже так все... Наши печорские бабы вон смотрят.

Наймист ничего не отвечал ей, но красиво облокотившись на телегу и достав из кармана кожаный кошель с деньгами, обратился к старухе Дарье с следующими словами:

– Почтенная-с... изволь-ка отвесить нам фунтик товарцу-то вашего.

– Чево тебе, родной: пряничков, аль стручков, аль вот мятных?

– Давай и мятных... Все одно! Оно бы сладко было, а то ничего...

И позванивал деньгами.

Старуха отвесила фунт. Наймист подал несколько пряников Ульяне; та начала завязывать их в платок.

– Дай девке этой, – шепнула она ему в порыве родственного чувства (она принимала все эти любезности на свой счет).

Параша не отнекивалась; смеясь, приняла угощение и, только немного зарумянившись, спрятала стручки за сарафан на груди.

– Ну, топерь ступай себе... – начала было Ульяна.

– Вишь ты какая! – возразил ей наймист, – а провожать-то разве нельзя?

– Коли нельзя! Можно... Да ты топерь-то уйди... Ей-Богу, бабы смотрят. Ужо вон по тому порядку ступай, а мы пойдем по задам, на дороге и сойдемся... Не то еще подождем тебя у мельницы... А топерь ступай себе!

Наймист послушался и отошел. Параша, немного скосясь в сторону, долго следила за ним сквозь пеструю и шумную толпу, которая к полудню совсем разгулялась.

– Ну, а не ровен час, Ульяна, – сказала она потом, – как из наших кто увидит, как он с нами пойдет...

– Ну, чево ж ты робеешь? Ведь на тебя никто не подумает... Что ж нам с дороги гнать его? Человек волен идти – ну, и пристал, знамо дело, поговорить... Поди вон прогони его с дороги... не прогонишь ведь!

Параша успокоилась.

Несколько часов спустя наймист благополучно проводил их до деревни, но, к большому удивлению Ульяны, всю дорогу говорил с Парашей.

Они шли по большой дороге, за крестьянскими огородами, которые вплоть подступали к редкой в этом месте березовой аллейке. Вскоре солдатка, несколько огорченная, своротила в свой огород и скрылась на тропинке, протоптанной в густой и высокой конопле. Еще несколько шагов – и Параша увидела, как она отворила заднюю калитку на дворе своего свекра. Калитка затворилась со скрипом. Параша и наймист остались вдвоем. Отец Параша жил на самом западном конце деревни, так что им осталось пройти вместе пространство, равное дворам десяти.

Наймист подошел поближе к ней и опустил руку ей на плечо.

– Скажи ж ты мне: как тебя звать по имени?

– Прасковья...

– Эх, Параша, Параша! Уж какая ты пригожая да красивая!..

Параша улыбнулась. – Ты еще гожее меня!

– Да что ты это?.. ты лицом уж больно хороша, Параша... Ведь вот впервые ноньче увидел тебя, а так словно приворожила к себе... Ей-Богу, ну! Давича, на торгу, вершинские мужики зовут в деньги играть, так куда-те! и охота вся отошла... так словно неволя какая к тебе все и волокет! Ну, дай-

ка я те поцалую Параша..

Параша отклонилась.

– Что ты это? – сказала она. – Что ты это? Бог с тобой... Ведь тут все наши ходят... Вон видишь – старухи идут... Пусти... надо домой! Ступай...

– Какие старухи? Старухи еще вон где! Они со старости-то и глазами не видят... Ах ты мое солнушко! не пущу я тебя! Посидим тут, у сарайчика... За конопельками не видать... Ей-Богу, вишь как тут тоже! Ничего, как есть, ничего не видать...

Параша старалась вырваться. Старухи приближались.

– Пусти ж ты! какой! пусти, голубчик.

– Ну, любо, – пущу... Смотри же, завтра выходи сюда супротив ночи, к зоре, что ль...

– Выйду – вот руки мои отсохни... выйду! Пусти...

Наймист пустил ее.

Параша сдержала слово, и он на следующий вечер нашел ее у сарая, за коноплями.

Параша полола, присевши на землю. Он опустилса тоже на траву, для безопасности. Им было очень удобно тут: с большой дороги ничего не было видно за стеной конопли и за хмелем, который сетью забегал с ближней ветлы на сарай и стлался по соломенной крыше. Калитку на двор отца Параша притворила плотно, и старые скрипучие петли непременно бы известили их о приближающейся опасности.

Долго говорили они; о чем и как – я не берусь описывать

– только под конец Параша перестала полоть и задумалась. Он, как водится, наобещал ей кучу всякого добра в будущем.

– Ты посмотри-ка, – сказал он ей, – какой я плечистый да рослый... меня, хоть об заклад сейчас, в гвардию! У меня в гвардии дядя унтером есть... Так тетка-то словно барыня ходит! Вот что! Я тебя тогда возьму за себя, так и ты так будешь ходить...

Словом, Параша склонялась все больше и больше и наконец, скрепя сердце, объявила ему, что завтра она с отцом будет убирать сено на пчельнике и останется там ночевать.

Наймист удовлетворился этим косвенным приглашением и кстати, потому что, тотчас после его ухода, мать заскрипела калиткой и вошла в огород.

Вот почему Параше было так жутко ехать на пчельник...

Солнце уж начинало заходить за деревья; тени толстых лип бесконечно длинными полосами легли на полянку, еще недавно покрытую высокой травой и мелкими луговыми цветами, а теперь так гладко подстриженную косою старика. Промежутки листьев, кустов и сучьев, озаренные прощальным светом, блистали еще ярче полдневного.

На лужайке высились две аккуратно насыпанные копенки. Параша закончила одну из них, когда отец сказал ей:

– Поди-ка у осинника сгребни маненечко! Я подкосил там давича... А я поотдохну пока.

Параша пошла к молодому осиннику, который был недалеко от пчельника, отыскала скрытый в самой чаще неболь-

шой лужок и начала сгребать траву.

Скоро и на этом месте поднялась копна. Параша устала после знойного дня и прилегла на свежее сено. Незаметно заснула она под шопот осинника и под вечернее чириканье птиц, сбравшихся на ночлег.

Настала ночь; и какая благоуханная, тихая, месячная ночь! На деревне один за другим гасли огни; уж и песня, долго тянувшаяся в поле так уныло – замолкла...

Освеженные росой поля ржи стояли недвижно, точно отдыхая от дневных набегов ветра.

В лесу была страшная тишина.

Окрыленный надеждой наймист скорыми шагами шел по большой дороге; уж видна была роща, где назначила ему свиданье черноглазая девушка.

Вот он своротил с большака на тропинку; перед ним чернел небольшой лесок, за леском глубокая лощина, за лощиной гора, на горе роща.

Бодро накинув поддевку на правое плечо, вошел он в лесок. Идет – ничего...

Вдруг направо хруснуло что-то. Он прислушался. Все замолкло опять... Опять хруснуло. Еще и еще. Потом просто послышались шаги и, шумя и раздвигая ветви, вышел на узкую дорогу какой-то человек.

Наймист продолжал, не останавливаясь, свой путь. Человек посторонился и пропустил его.

Они уж были шагах в двадцати один от другого, как вдруг

встречный закричал:

– Эй! молодец! Почтенный мой! Как, почтенный, в Печоры пройти?

Наймист остановился и стал толковать ему. В это время по левую сторону дороги сильно зашумели. Опять затрещал орешник, и на этот раз вышло из чащи не один, а два мужика. Не останавливаясь ни на секунду, пошли они прямо на молодого парня, и в то же время, как бы переменив намерение идти в Печоры, вернулся и первый.

Наймист понял в чем дело. Сердце его на минуту замерло, но смелость взяла вверх над мимолетною робостью. Он приосанился и спросил у них звучным голосом:

– А что вам от меня надо?

– А то, что раскошеливайся! – отвечал самый высокий и плечистый из бродяг.

– Ну, а коли денег у меня нет?

– Коли нет! Должно быть, что есть! Разве глаз у нас нету?.. В Печорах на ярмарке мошну твою видели... Вчера, за коноплями, ты что девке говорил?.. Мы с большака все слышали!.. Ну, ну, раскошеливайся!

– А вот как я-те раскошеливать начну! – крикнул наймист и с яростью ударил говорившего крепким кулаком в лицо.

Здоровяк пошатнулся.

– Вот, на тебе! – сказал он другому и наотмашь угостил его в грудь.

Тот грянулся оземь со стоном. Казалось, победа была на

стороне моего героя; но тот, который до сих пор не принимал участия в бое, вдруг схватил его сзади под силки. Началась страшная борьба. Лежавший вскочил и с злобой кинулся ему на грудь.

Наймист не уступал: жаль было отдать деньги. Шляпа с него свалилась, русые кудри были растрепаны; по лицу, бледному от усилий, катился пот; красная рубашка, которую он надел для Параши, висела клочьями на белой и крутой груди.

Месяц светил ясно на дорогу, и наймист хорошо различал озлобленные лица своих противников.

Вдруг среди немого боя ему послышался стук телеги по большой дороге. Он закричал караул. Близкий стук телеги умолк на мгновение. Он хотел еще раз крикнуть, но удар дубиной по обнаженной голове лишил его голоса и чувств.

Прошлого года, летом, я опять был в этих странах и попал на ярмарку в Печоры.

Ярмарка была очень многолюдна и только к вечеру стала редеть. Мы болтались вдвоем с любезным помещиком этого села по большому лугу, на котором остальные посетители ярмарки рассеянными группами доканчивали веселый день. Большею частью это были печорские крестьяне.

Устав наконец, мы присели под навес какого-то амбара и молча смотрели.

– Хотите видеть Парашу? – спросил вдруг мой спутник.
Я изъявил желание. Он показал в ту сторону.

В самом деле, это была Параша. Ее все знали в округности; она не пропускала ни одной соседней ярмарки и являлась на все праздники опрятно одетая и молчаливая; усердно молилась в церкви и потом, сидя где-нибудь в уголку, глядела на народ своими большими черными глазами. Глаза эти сохранили свой блеск, да и вообще она мало переменилась в лице с того времени, как я видел ее в последний раз. Но как бы ошибся тот, кто стал бы искать в ее взгляде прежней миловидной смышлености и той влаги, полной затрогивающего выраженья, за которыми я с таким молодым рвением любил следить лет пять тому назад. Взгляд ее был кроток, но тут бесцелен и дик. Впрочем, помешательство ее не имело в себе ничего особенного: она всегда, говорят, тиха, иногда работает и помогает родителям, но слова от нее добиться очень трудно, и еще, если увидит зеленую нанковую поддевку на красной рубашке, непременно укажет пальцем и засмеется так, что на душе станет неловко, а потом спрячется куда-нибудь и тихонько плачет.

– Отчего она помешалась? – спросил я у молодого помещика.

– Говорят разное, – отвечал он мне, – но я думаю, что все это можно соединить вместе. Помешательство ее было постепенное; оно оказалось ясным, говорят, только через два месяца. Сначала все его принимали просто за тоску. Она, во-первых, была испугана внезапным приездом на пчельник мужика, знакомого с ее отцом. Наймист опомнился и дота-

щился до опушки леса, но дальше идти не мог. Там и нашел его на земле этот мужик. Рассказывали мне даже, что стук его телеги разогнал мошенников и что они сами на следствии... (ведь их поймали). Они сами говорили, что не хотели его раздевать, из боязни попасться с вещами... да и не успели бы, потому что телега подъезжала к лесу... Уж я не знаю в подробностях, как это было, но только мужик принял его за пьяного, когда он просился к нему на телегу, и взял его. Наймист попросил завезти его в рощу на пчельник... Мужик верно бы бросил его, если б знал настоящее происшествие, однако тот молчал, из осторожности что ли, или от боли, только молчал. Мужик завез его на пчельник, тем более, что роща лежала на пути, и первый, кто попался им – была Параша. В темноте мужик немного запутался и сошел с телеги посмотреть место.

Вдруг ему навстречу Параша. Увидала его, да как закричит! Он назвал ее по имени и себя назвал... «А я, говорит, Семен, со сна прямо, за домовитого тебя приняла... просто ноги подкосились со страсти!» Он, не зная обстоятельств, на этот страх угостил ее еще большим, сказав, кто лежит у него на телеге. А тот, между тем, сам узнал Парашу и заговорил слабым голосом. Говорят, признавался ей, что обмануть ее хотел. Отец-старик вышел на голоса с фонарем. Лежит избитый. С тех пор и помешалась. Постойте, я ее сейчас спрошу.

– А что, Параша, – продолжал молодой человек, обращаясь к ней и указывая на меня, – нравится тебе этот барин?

Параша засмеялась, поглядела на нас своим странным взглядом и ушла.

Кто знает, может быть, она меня узнала, и я напомнил ей то время, когда она в первый раз встретила наймиста?

– Зачем вы подзывали ее! Мне стало больно от ее смеха! – сказал я, отворачиваясь.

– Мне самому жаль, что я с ней заговорил, – отвечал молодой помещик, тихонько вздохнув.

– Куда она пошла?

– Должно быть, за какой-нибудь сарай, плакать.

Я замолчал.

Между тем свечерело. Бабы, столпившись в кучу, допева-ли у амбара свою последнюю песню. Мужики все поразбре-лись по домам, кроме двух-трех молодых любезников. Пря-мо перед моими глазами у священника в окошке тускло све-тилась лампада. На деревне была совершенная тишина. Бабы пели тихо. По темнеющему полю с громким ржаньем, звучно раздававшимся на свежем вечернем воздухе, неслась домой белая растреножившаяся лошадь.

Крестьянские ребятишки посели на траву в двух шагах от нас и вдруг подхватили довольно согласным, но пискливым хором свою оригинальную песню-скороговорку, которая так меня удивила, когда я услышал ее в первый раз:

...На острове родился,
Он французом проявился —

Тот наш Полион,
Тот наш Полион!!
Полионщик, барабанщик,
Всем жидам своим прикащик,
Прехитрый француз,
Прехитрый француз!!
Его жида не узнали, и т. д.